

части» (прообраз Генерального штаба). В 1799 г. офицер попал в плен к французам во время голландской экспедиции русских войск. С 1802 г. Струков служил при Оренбургском генерал-губернаторе, произвёл съёмку и описание киргиз-кайсацких степей, руководил устройством Илецкой линии. Здесь, уже в отставке, он умер 28 января 1846 г. (См.: Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. «Смеловский – Суворин». С. 566–567).

¹⁰⁷ Т. е. грузовыми, предназначенными к запряжке.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 205.

¹⁰⁹ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 176–177.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 178 об.

¹¹¹ Цит. по: *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 343.

¹¹² Ныне с. Бурлук Котовского р-на Волгоградской обл.

¹¹³ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 177. Дальнейшая биография А. Д. Буткевича складывалась вполне благополучно. 27 сентября 1794 г. он был переведён в Тамбовский мушкетёрский полк, а в 1804 г. и вовсе вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта, по-

селся в Петербурге, где, будучи заядлым игроком, «никогда не выходил из долгов». После завершения Отечественной войны и заграничных походов он во главе Комитета Санкт-Петербургского ополчения занимался его роспуском. Скончался и похоронен был А. Д. Буткевич в принадлежавшем ему селе Спасском Старорусского уезда Новгородской губернии 9 апреля 1832 г. (См.: *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 329–330; № 11. С. 559; *Апухтин В. Р.* Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. Т. 1. М., 1912. Прил. 1. С. 18). Ещё раньше Ростовский полк покинул А. С. Пишчевич, перейдя 10 марта 1794 г. в Каргопольский карабинерный полк. 20 ноября 1796 г. он был переименован в коллежские ассесоры и причислен к герольдическому ведомству. Оставшиеся годы жизни Пишчевич посвятил мемуарному и литературному творчеству.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 183; *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 344.

¹¹⁵ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 178.

¹¹⁶ См.: *Скопин Г. А.* Указ. соч. С. 35.

УДК 347.965(470–89)+929[Токарский+Чернышевский]

ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ А.А. ТОКАРСКИЙ («НА ЕГО РУКАХ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И УМЕР...»)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматриваются последние 113 дней жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского в Саратове, его общение в этот период с присяжным поверенным А.А. Токарским, воспоминания которого об этих встречах содержат впечатления об образе мыслей писателя и малоизвестные фрагменты его повседневной жизни. В работе также приводится краткая биографическая характеристика Токарского – популярного саратовского адвоката, видного общественного и политического деятеля России начала XX в.
Ключевые слова: присяжный поверенный, А. А. Токарский, Чернышевский, воспоминания, последние дни жизни.

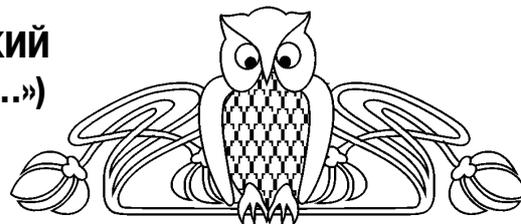
**The Juror confidant A.A. Tokarskiy.
(«On his hands Chernyshevskiy is dead...»)**

Yu.V. Varfolomeev

In article are considered last 113 days to life and activity N. Chernyshevskogo in Saratov, his contact in this period with juror confidant A.A. Tokarskiy, memory which about these meeting contains the impressions about image of the thoughts of the writer and a little-known fragments his ordinariness. In work also happens to short biographic feature Tokarskogo – a popular lawyer of the Saratov, well-known public and politician to Russia begin XX century.

Key words: Juror confidant, Tokarskiy, Chernyshevskiy, remembered, the last days of life.

В ночь с 16 на 17 октября 1889 г. Н.Г. Чернышевского не стало. Рядом с ним в эти по-

следние мгновения были самые близкие люди, среди которых оказался и присяжный поверенный А.А. Токарский. Кто же был этот человек, таким печальным образом вошедший в биографию Чернышевского?

Александр Ардалионович Токарский родился 23 июля 1852 г. в Петербурге. Из дворян, но его род не был записан в родословные книги. В 1874 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 21 декабря 1874 г. по 6 марта 1876 г. состоял помощником присяжного поверенного округа Петербургской Судебной Палаты. В марте 1876 г. на основании определения общего собрания отделений Саратовского окружного суда был принят помощником, а в феврале 1880 г. – присяжным поверенным округа Саратовской Судебной Палаты¹.

Казалось бы, что общего было у этих двух людей – писателя и адвоката? Но их судьбы удивительным образом переплелись еще в начале 60-х гг. XIX в. Первые воспоминания Александра Токарского о Н.Г. Чернышевском связаны с его детскими годами. Дом Пыпиных был первым домом, куда он попал. «Мы жили в деревне. Семья наша хорошо была знакома с Пыпиными; одна из них, Варвара Николаевна, с отцом своим, Николаем Дмитриевичем Пыпиным, проживала

в том же селе Баланде, где жила и наша семья, и была крестною матерью младшего брата моего Ардалиона², – вспоминал А.А. Токарский. Как-то раз отец Александра, приехав из Саратова, рассказал, что Чернышевский арестован и посажен в крепость. «Мое собственное представление о Чернышевском, – подметил в связи с этим Токарский, – а вернее всего, слезы матери убедили меня в том, что случилось страшное несчастье»³.

В то время, когда шел процесс по делу Чернышевского, а в обществе распространялись самые невероятные и гнетущие слухи, юный Александр Токарский старался быть в курсе всех перипетий этой человеческой драмы и искренне сопереживал судьбе революционера вместе с его родственниками. «Старшие сдерживались, но глубоко впечатлительный Петр Николаевич (сын Н.Д. Пыпина, ровесник Токарского. – Ю. В.) весь находился под этими тяжелыми слухами, – вспоминал о тех днях Токарский. – И я хорошо помню наши продолжительные прогулки по огромному двору Пыпиных и то, что он мне все рассказывал по секрету о Николае Гавриловиче, о его деле, о его деятельности. <...> Но вскоре последовал приговор и ссылка Чернышевского. Это я тоже узнал из рассказов Петра Николаевича <...> эти рассказы были как бы приобщением меня к общему семейному горю родных Чернышевского, и они меня как бы связали с этой семьей»⁴.

Но именно тогда Токарский понял, что и эти рассказы, и его общение с родственниками опального революционера связывали его таким образом, и с самим Чернышевским. Когда сверстники Александра еще не знали и имени Чернышевского, он уже прочитал все, что принадлежало его перу. «Мои гимназические и студенческие годы относятся ко времени наибольшего увлечения не скажу идеями Чернышевского, а романом “Что делать?”, – отмечал Токарский. – Я знал множество Оленек и Машенок, которые переделывались в Верочек. Знал Лопуховых, Кирсановых и особенно Рахметовых. К началу семидесятых эти волны опали, и отношение к идеям Чернышевского стало глубже и вдумчивее»⁵.

Через семью Пыпиных Токарский познакомился и с О.С. Чернышевской, часто бывал у нее и «...одно время даже чему-то обучал младшего сына Михаила Николаевича, но чему – не помню»⁶, – признавался он. «В отличие от своего старшего брата, жившего в семье известного русского врача П.И. Бокова, – отмечает Е.Н. Манонова, М.Н. Чернышевский не имел гувернанток и домашних учителей»⁷. Таким образом, в роли домашнего учителя Михаила Чернышевского одно время выступал и юный Александр Токарский.

Чаще всего Александр бывал у жены Чернышевского в начале весны. Она снимала дачу, и хотя учебные занятия еще продолжались, но гимназисты, среди которых был и Токарский, не только в праздники, но и в будни находили время прибегать к ней. «К ней влекла нас полная свобода, которую

она нам предоставляла, и непринужденность, с которой она нас встречала, – отмечал он. – Мы шли к ней с своей провизией, чаем, сахаром и всякими предметами своей практической и научной изобретательности, вплоть до инструментов и материалов для постройки воздушного корабля. Все наши занятия перемешивались с рассказами Ольги Сократовны о Николае Гавриловиче»⁸.

В начале 80-х гг. XIX в., уже занимаясь в Саратове адвокатской практикой, Токарский, как только освободился дом Чернышевского, снял его под квартиру и прожил в нем несколько лет. Дом на тот момент долго не ремонтировался, и чтобы оставаться в нем дольше, необходимо было произвести капитальный ремонт. Поэтому А.А. Токарский с начала весны 1889 г. по соглашению с Ольгой Сократовной начал ремонтировать дом в счет арендной платы. На это время семья присяжного поверенного переехала на дачу, а он сам каждый день приезжал в город и вел прием клиентов в летней кухне, которая находилась в глубине двора.

В конце мая О.С. Чернышевская получила известие о том, что Николаю Гавриловичу разрешено переехать в Саратов, и стала искать квартиру. Узнав об этом, Токарский предложил ей занять дом, который он снимал, но она наотрез отказалась, заявив, что денег, затраченных им на ремонт, у них нет, а брать в долг она бы не хотела. «Притом же, мы найдем квартиру дешевле, нас только двое, дом велик, и мы будем в барышах»⁹, – рассудительно прикинула хозяйка.

Между тем Ольга Сократовна вспомнила, что когда-то Николай Гаврилович посадил желтый шиповник и теперь спрашивал, растет ли он еще. Они осмотрели двор, но никаких следов шиповника не нашли. Тогда Токарский пообещал ей, что к приезду Николая Гавриловича он обязательно посадит точно такой же куст шиповника. «Мы приблизительно определили место, – вспоминал Токарский об этой операции, – и я потом из леса с комом земли перенес на него огромный куст желтого шиповника»¹⁰.

Наконец, Н.Г. Чернышевский «27 сего июня прибыл в Саратов и остановился на квартире в доме Никольского на Соборной площади <...>, – докладывал Саратовскому губернатору полицмейстер Х.М. Лотовицкий. – На другой же день по приезду Чернышевский побывал в своем доме, где жил с семьей А.А. Токарский, присяжный поверенный Саратовского окружного суда, навестил Пыпиных и семидесятичетырехлетнего родственника И.Н. Виноградова»¹¹.

А вот как знаменательную встречу с опальным мыслителем описал Токарский: «Однажды я сидел в кухне и принимал клиентов. Прием был очень большой. В середине приема из калитки к кухне прошел бодрой, даже спешной походкой человек высокого роста, с шатеновыми вьющимися волосами, задал какой-то вопрос стоящим на крыльце и такой же бодрой походкой пошел обрат-

но, но в середине двора круто повернул и направился к тому месту, где был посажен шиповник. Но он так был непохож на те портреты Н. Г-ча, которые я видел, что мне даже и в эту минуту не пришло в голову, что это мог быть он. Но мысль уже заработала, и к приему последних клиентов я был уверен, что приходил именно Н. Г-ч. Я очень пожалел, что упустил его, и решил тотчас же справиться у Пыпиных, не приехал ли Н. Г-ч. Мало того, я уже решил встретиться с ним словами «привет дорогому учителю». И еще я вспомнил, что в это утро был полит шиповник, а это могло навести Н. Г-ча на мысль о замене им посаженного другим. Провожая последнего клиента, я спросил его, нет ли еще кого-нибудь, и, получив ответ, что есть еще один, просил пригласить. В этот момент, вероятно, услышав мои слова, вошел сам Н. Г-ч и – со словом «Чернышевский» – протянул мне руку. И так прост был его привет, что приготовленные слова завязли у меня в горле, и я тоже только назвал свою фамилию. И заговорили мы, точно давно знакомые люди. Я убирал и приводил в порядок бумаги, а он рассказывал, что вчера только приехал в Саратов, был сейчас у Пыпиных и зашел ко мне. Успел осмотреть двор. На мое предложение посмотреть дом он заявил, что так как там производится ремонт, то смотреть теперь не стоит. Я предложил ему чаю, но он заявил, что чай пить ждет его дома О.С., и позвал к себе»¹².

Токарскому необходимо было идти в суд, а это было по пути с Чернышевским, и, он, собрав нужные бумаги, составил компанию Николаю Гавриловичу, который жил в доме Никольского на Соборной улице, и они до квартиры писателя дошли вместе. «Все время он говорил о той улице, по которой мы шли, узнавал дома, которые были еще при нем, и называл их хозяев, оказалось, что многие дома по Гимназической ул.¹³ еще принадлежат тем лицам, которым они принадлежали в то время, когда Н. Г-ч жил в Саратове»¹⁴.

Токарский все время пока был в суде находился под впечатлением этой встречи и, закончив дела, не удержался, чтобы не зайти к Николаю Гавриловичу, который, в свою очередь, ему сказал, что очень занят работой, и поэтому все время распределил буквально по минутам, и для отдыха назначил себе сумерки с 7 до 9 часов вечера. «Я в это время решительно не мог бывать у него, – сокрушался адвокат, – и для меня он сделал исключение, прося заходить во всякое свободное время. Других же лиц я имел право приводить к нему только в назначенные часы. С этого времени я стал бывать у Н. Г-ча довольно часто»¹⁵.

Эти встречи, как видно, увлекали и того и другого, и вот однажды Токарский допоздна засиделся у Чернышевского, несмотря на то, что в 9 ч., как и положено, Ольга Сократовна – «блостительница установленного режима» – предусмотрительно напомнила о конце визитного времени и заяви-

ла, что в 10 ч. она идет спать¹⁶. Однако Николай Гаврилович попросил Токарского еще немного задержаться. Продолжившаяся беседа затянулась далеко за полночь. Только около двух часов ночи Токарский взглянул на часы и с ужасом сообщил Чернышевскому о времени. Решили немедленно разойтись. Хозяин взял в руки свечку, так как в зале огня не было, и пошел вперед. «Шел он на цыпочках, – вспоминал подробности этой ночи адвокат. – Нужно было пройти мимо комнаты О. С. Я шел за ним тоже на цыпочках и старался шаг в шаг попасть в его следы. Как раз перед дверью комнаты О. С. он оглянулся, и, вероятно, моя фигура показалась ему столь комичной, что он поставил свечку на пол и неудержимо расхохотался. Мы стояли, наклонившись друг к другу, и смеялись. Слабый свет стоявшей между нами свечки освещал наши наклонившиеся фигуры. О [льга]. С [ократовна]. проснулась, вскочила с постели и в щелку двери увидела эту сцену»¹⁷. «Что вы тут делаете?», – почти, как заглавие книги мужа сформулировала она свой удивленный вопрос. Но полуночники не смогли объяснить, что они делали, и молча прошли в переднюю. И только там Чернышевский уже серьезно заметил: «А все-таки разбудили», и произнес он эти слова «...с чувством такого сокрушения, такой сердечной боли, что мне стало совестно за свое мальчишество»¹⁸, – также с горечью признался Токарский.

В начале сентября Токарский с семьей переехал с дачи в город, и с этого момента Чернышевский очень часто стал заходить к ним в гости. Как правило, он приходил между 7–8 часами и уходил ровно в 9, строго придерживаясь установленного распорядка, «...и никакими силами нельзя было задержать его долее, – вспоминал Токарский. – Если рассказ не был окончен, то он обрывал его на полуслове и уходил»¹⁹. В это время, предполагал Токарский, их удивительный гость работал над своими воспоминаниями, и казалось, что он рассказывал им то, о чем он будет писать завтра. «Но при этих рассказах он отклонялся и тогда делал характеристики деятелей 60-х годов, исторических деятелей, или делал поправки к воспоминаниям разных лиц о 60-х годах, – уточнял адвокат. – Помню, целый вечер он посвятил воспоминаниям Панаевой»²⁰.

По свидетельству Токарского, рассказчик Чернышевский был превосходный, говорил он всегда просто и ясно. Рассказывал Николай Гаврилович всегда сидя. У себя дома любил забиться в угол турецкого дивана. Диктовал же при работе всегда на ходу, довольно быстро шагая из угла в угол. «В близоруких серых глазах искрилась ирония, легкая улыбка играла в углах губ, и в зубах торчала папироска, – фотографично запечатлел он писателя. – В самый небольшой рассказ Н. Г-ч умел вложить и содержание, и отличающую все его рассказы сердечную теплоту»²¹.

Близкое знакомство, доверительные отношения с Чернышевским и характерные эпизоды из

его саратовского бытия позволили Токарскому составить достаточно полное впечатление о том, каким был этот человек и общественный деятель в последний период своей жизни. На основе своих личных наблюдений и общения с Николаем Гавриловичем адвокат пришел к целому ряду выводов.

Во-первых, Токарский убедился в том, что «Фактические знания Н. Г-ча, и притом решительно по всем отраслям, не исключая и техники, были необыкновенно велики. Они значительно превышали тот запас сведений, с которыми он отправился в ссылку. Память Н. Г-ч имел удивительную. Иногда он шутя цитировал целые страницы из какого-нибудь писателя и притом безразлично: публициста, беллетриста или этнографа. Исторические даты, химические формулы, лингвистические формы – все это с одинаковым удобством вмещалось в голову Н. Г-ча. С текущей литературой он был знаком хорошо. Но я уверен, что манера шутливо говорить могла маловнимательному человеку показаться незнакомством с текущими течениями»²².

Во-вторых, Токарский с восхищением отзывался о «трудоиспособности и работоспособности» писателя. «Ни единой минуты он не мог сидеть без дела, и дело у него кипело в руках. Спокойно, бодро и весело он работал, безразлично – сам ли писал или диктовал. Устали он не знал и, оторвавшись от работы (работой он называл и писанье и перевод под диктовку), тотчас принимался за чтение начатой книги или перелистывание журналов и газет»²³.

В-третьих, адвокат развенчал расхожий слух о замкнутости и нелюдимости Чернышевского, приводя в доказательство весьма показательный эпизод. Однажды в свободное время писатель по обыкновению зашел к Токарскому и, узнав, что последнему необходимо идти по делам в суд, предложил составить ему компанию. Пока адвокат решал вопросы в суде Николай Гаврилович остался дожидаться его на улице. Каково же было удивление присяжного поверенного, когда он, выйдя из здания суда, увидел следующую сцену: Чернышевский оживленно беседовал с целой толпой крестьян. «А я тут с вашими клиентами разболтался»²⁴, – заявил он Токарскому. Крестьяне, пообщавшись со знаменитым революционером и получив от адвоката информацию о назначении их дела к слушанию, раскланялись и ушли.

Очень скоро выяснилось, что у Чернышевского имеется большое число знакомых, которых он бы желал видеть, и еще более значительное число лиц, которые желали бы встречи с ним. «Николай Гаврилович сделался центром общественного внимания, – справедливо отмечал Токарский, – но формы для выражения этого внимания выработано не было, и результатом отсутствия этой формы получилось отягощение и мучительство для Н. Г-ча и неудовлетворенность для лиц, думавших одним личным появлением выразить ему

сочувствие»²⁵. Тогда стало очевидно, что наплыв этих людей будет отнимать очень много времени у писателя от его работы, и у него возник вопрос, каким образом разрешить эту проблему. Токарский предложил ему назначить вечер в клубе один раз в неделю. Мысль эта чрезвычайно понравилась Николаю Гавриловичу. «В клубе, непременно в клубе, – согласился он, – а то, знаете, дома не хорошо. Одни просто приходят тебя посмотреть и, правду говоря, сами не знают, с чего начать. Более смелые начинают с вопроса, как я поживал на каторге, другие спрашивают, как понравился наш город, а посмирнее просто молчат. Да и с теми, с которыми есть о чем поговорить и которых очень желал бы сам послушать, как-то неловко. У всех бывать я не могу, а бывать только у некоторых, знаете, неудобно»²⁶. И эти слова Чернышевского, по мнению Токарского, как раз и служат достаточным объяснением астраханских слухов об его одичании, об уклонении от знакомства и сближения с людьми²⁷.

Казалось, ничто не могло помешать этому размеренному и насыщенному ритму жизни вернувшегося в родной город писателя. Однако осенью 1889 г. застарелые болезни жестоко напомнили Н.Г. Чернышевскому о себе. 14 октября лечащий врач А.В. Брюзгин отметил у него «пароксизм малярийной лихорадки». Больной бредил, и это, по мнению врача, указывало на слабость нервной системы. Между тем лекарства на какое-то время возымели действие, и наутро 15 октября Чернышевский почувствовал себя лучше и тут же принялся за работу. Но ослабленный и надорванный долгими годами ссылки организм не выдержал напряжения, и вечером того же дня приступ повторился. В этот момент Брюзгина дома не оказалось. Тогда А.А. Токарский, все это время постоянно находившийся возле больного, отправился к доктору Н., но тот, как видно, забыв о клятве Гиппократова, отказался идти, сославшись на бывших у него гостей. «Об этом странном, если не сказать больше, отказе доктора Н. от исполнения просьбы посетить больного, – по свидетельству А.А. Демченко, – писала саратовская газета»²⁸. Эти напряженные и трагические моменты последних часов жизни Чернышевского отложились также и в воспоминаниях М.Н. Пыпина: «...Токарский поехал за докторами: тот отказывается, тот спит; в конце концов кроме Брюзгина явились Кротков и Бонвеч»²⁹, но в 12 часов 37 минут ночи последовал апоплексический удар, ставший для Чернышевского роковым.

Как сложилась судьба присяжного поверенного Токарского после смерти Чернышевского? Всего 113 дней близкого знакомства связывали их, но в памяти Токарского на всю жизнь запечатлелся образ Чернышевского, его «величаявая по своей нравственной силе и выдержке фигура страдальца»³⁰. Думается, что общение с великим земляком оказало решающее влияние на политические взгляды и жизненную позицию адвоката.

С тех пор имя Токарского мы неизменно встречаем в хронике корпоративной и общественной жизни в Саратове. Он состоял членом 30 культурно-просветительских обществ в Саратове, в большинстве из которых он был учредителем. В качестве защитника Токарский выступал в знаменитом процессе о холерных беспорядках в Саратовской губернии, вел большое количество дел по так называемым «чумным бунтам», аграрным волнениям и политическим делам. В декабре 1898 г. он принял активное участие в создании первого регионального руководящего органа адвокатского сословия – комиссии присяжных поверенных при Саратовском окружном суде, и был избран членом этой комиссии³¹, а в 1905 г. Токарский был избран в первый состав Совета присяжных поверенных округа Саратовской Судебной Палаты³², и вплоть до 1917 г. являлся бессменным членом Совета.

Оппозиционный настрой и желание оказывать правовую помощь борцам с самодержавным режимом привели Токарского в ряды «молодой адвокатуры» – неформального объединения политических защитников, выступивших на рубеже веков за обновление адвокатской корпорации России и активное участие в борьбе с произволом и беззаконием властей. Одним из организаторов и активных участников саратовской группы политических защитников «молодая адвокатура» как раз и стал А.А. Токарский. «Сильная группа политзащиты сложилась в Саратове»³³, – отмечает Н.А. Троицкий, и в подтверждение своих слов приводит фамилии ее наиболее видных деятелей, среди которых называет и А.А. Токарского.

Неоднозначную, но достаточно разностороннюю характеристику Токарскому дал известный саратовский адвокат и общественный деятель И.Я. Славин: «По своим познаниям, дарованиям и трудоспособности он не стоял в первых рядах нашей присяжной адвокатуры, отдавая много времени общественной и политической деятельности и партийной работе <...> Но у него были личные симпатичные черты, располагавшие к нему. Добродушие, незлобливость, мягкость в обращении, полное отрешение от каких-либо интриг и коварных подходов к товарищам – все эти личные качества и свойства сделали его имя популярным среди адвокатской молодежи»³⁴.

Более доброжелательно отзывался о Токарском его коллега и соратник по «молодой адвокатуры» Н.Н. Мясоедов. В 1912 г. в своей речи на праздновании 60-летнего юбилея Александра Ардалионовича он отметил: «...участь огромного большинства, всех тех, кому не суждено возвыситься над толпой. И чем реже исключения, тем ценнее они. К таким натурам принадлежит и Александр Ардалионович. Чуткий, отзывчивый, всегда готовый откликнуться на первый зов к добру. Они до многолетних юбилеев сохраняют чисто юношескую способность с разумной (любопытством) подходить к каждому новому явлению,

будь то село или слободка, общественное бедствие или радостный подъем народного духа. Чувство самой широкой общечеловеческой всегда и неизменно от юношеских лет проникает во все стороны его деятельности, с той самой поры, когда услышал он и понял встрепенувшийся душой из глубины ее дошедший голос, так властно звавшей идти вперед»³⁵.

Говоря о политических убеждениях Токарского, Славин безошибочно определил, что они «были с очень заметным левым уклоном»³⁶. Американский ученый Д. Дж. Рейли, уточняя политическую позицию адвоката, справедливо причисляет его к числу «известных конституционных демократов города» и даже называет Токарского лидером саратовских кадетов³⁷. Всероссийскую политическую известность член I Государственной Думы Токарский приобрел в 1906 г., когда в числе других 167 депутатов подписал знаменитое «Выборгское воззвание», за что был привлечен к суду³⁸.

И, наконец, подлинным взлетом и в то же время «лебединой песней» юриста и политика Токарского следует считать революционный 1917 год. 5 марта он был избран председателем только что созданного в Саратове общественно-городского исполнительного комитета (далее – ОГИК) – местного органа власти Временного правительства. Правда, в июле 1917 г. по причине болезни он в течение месяца не мог принимать участие в работе Комитета. В его отсутствие заседания ОГИК и его президиума не проводились. Это обстоятельство обескуражило и огорчило Токарского. «Вступив в должность, – вспоминал он, – я усмотрел, что они (заседания комитета. – Ю.В.) не могли состояться в течение месяца... Мало этого. За все это время не было заседаний и президиума...»³⁹. Обоснованные претензии по этому поводу Токарский предъявил новому губернскому комиссару меньшевику Д.А. Топуридзе, который, как оказалось, намеренно не созывал заседания ОГИК, руководствуясь директивами Президиума исполкома Совета рабочих депутатов. «Осознание того, что роль ОГИК сыграна и что Совет оказывает на него давление, подтолкнуло Токарского к отставке, – справедливо считает Д. Рейли. – По-видимому, Токарский счел недопустимым давление Совета на Общественный исполнительный комитет губернии»⁴⁰.

1 июля 1917 г. приказом по ведомству Министерства юстиции за № 17 А.А. Токарский был «определен на службу членом Саратовской Судебной Палаты»⁴¹. Однако времени и сил на служебную и политическую деятельность у Токарского уже не оставалось, его тяжелое заболевание усугублялось, и 16 октября 1917 г. он скончался. Как это не парадоксально, но Токарский, всю жизнь отдававший себя людям, и будучи известным и успешным адвокатом, а в конце своей жизни влиятельным политическим деятелем и крупным судебным чиновником, не оставил после

себя никаких денежных средств. В связи с этим Председатель Саратовской Судебной Палаты был вынужден направить телеграмму в Министерство юстиции, в которой сухо и лаконично были отбиты горькие, щемящие душу слова: «Петроград Министерство Юстиции Директору Второго Департамента Скончался Член Палаты Токарский неоставивший никаких средств ходатайствую пособию на погребение...»⁴².

Жизнь Александра Ардалионовича Токарского оборвалась всего за несколько дней до большевистского октябрьского переворота. Но думается, это, как ни парадоксально, спасло его от более трагичной участи при советском режиме⁴³, так как его правозащитные идеалы, подвижническая и гуманная натура, окончателно выпестованные общением с Н.Г. Чернышевским, скорее всего, не вписались бы в «прокрустово ложе» новой советской действительности.

Примечания

- 1 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 3. Д. 457. Л. 2.
- 2 Токарский А.А. Н.Г. Чернышевский (По личным воспоминаниям) // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 414.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 415.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Манова Е.Н. Общественная и культурно-просветительская деятельность М.Н. Чернышевского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 15.
- 8 Там же. С. 416.
- 9 Там же. С. 417.
- 10 Там же.
- 11 Цит. по: Н.Г. Чернышевский. Литературное наследие: В 3 т. М., 1928–1930. Т. III. С. 640–641.
- 12 Токарский А.А. Указ. соч. С. 417.
- 13 Ныне ул. Некрасова
- 14 Токарский А.А. Указ. соч. С. 417–418.
- 15 Там же. С. 418.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 419–420.
- 18 Там же. С. 420.
- 19 Токарский А.А. Указ. соч. С. 420.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 421.
- 22 Там же. С. 423.
- 23 Там же. С. 424.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 425.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский: Научная биография: В 4 ч. Саратов, 1994. Ч. 4. С. 304.
- 29 Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 461.
- 30 Токарский А.А. Указ. соч. С. 431.
- 31 См.: Хроника // Право. 1899. № 2. Стб. 105.
- 32 Исторический очерк деятельности Совета присяжных поверенных округа Саратовской Судебной Палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. С. 3.
- 33 Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 149.
- 34 Славин И.Я. Минувшее-пережитое // Волга. 1999. № 8. С. 151.
- 35 ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 314. Л. 1.
- 36 Славин И.Я. Указ. соч. С. 151.
- 37 Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 44, 101.
- 38 Подробнее см.: Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 1–173.
- 39 Саратовский вестник. 1917. № 173, 5 авг. С. 3.
- 40 Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 195.
- 41 ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 457. Л. 3.
- 42 Там же. Л. 1.
- 43 В опубликованных Д. Дж. Рейли отрывках из воспоминаний крупнейшего знатока саратовской истории конца XIX–начала XX вв. А.А. Минха приводится «скорбный лист саратовцев», погибших в первые годы советской власти. В этом мартирологе, составленном женой Минха Э.В. Минх (Гантке), мы встречаем имена коллег и соратников А.А. Токарского – В.Н. Поляка, Н.И. Семенова, А.И. Скворцова и др. Поэтому вполне возможно, что если бы Токарский остался жив, то его постигла бы та же участь. (Подробнее см.: Рейли Д. Дж. «Заложник пролетариата». Отрывки из воспоминаний А.А. Минха / Под ред. О.Ю. Абакумова. Саратов, 2001. С. 70–71).